

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-8-27>

УДК 316

Attribution

cc by

ВЗГЛЯД НА ВРЕМЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА:
СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ АВГУСТИНА

Чернова И.Б.¹, Плотников В.В.²,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя²,

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина²

Аннотация. В статье исследуется, как философско-религиозная концепция времени Аврелия Августина повлияла на трансформацию социальных основ общества. Рассмотрены: переход от циклического понимания времени в античности к линейному историческому времени в христианской картине мира, роль августинианского взгляда на время в формировании средневековых институтов (например, церкви и монастырей), а также отдаленное влияние на модернизацию. Опора производится на феноменологическую социологию А. Шюца (анализ того, как разделяемые временные представления обеспечивают коммуникацию и социальный порядок). Полученные результаты свидетельствуют, что изменение концепции времени – от религиозной доктрины Августина до современных секулярных представлений – стало одним из факторов глубоких социальных изменений как на уровне исторического развития, так и для современного общества.

Ключевые слова: Августин, социальное время, линейное историческое время, социальные институты, коммуникация, феноменологическая социология.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

A VIEW OF TIME AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF SOCIETY:
THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF AUGUSTINE'S CONCEPT

Irina B. Chernova¹, Valery V. Plotnikov²

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot¹,

I.T. Trublin Kuban State Agrarian University²

Abstract. The article examines how the philosophical and religious concept of time of Aurelius Augustine influenced the transformation of the social foundations of society. The transition from the cyclical understanding of time in antiquity to the linear historical time in the Christian picture of the world, the role of the Augustinian view of time in the formation of medieval institutions (for example, the church and monasteries), as well as the remote influence on modernization are considered. The basis is the phenomenological sociology of A. Schutz (analysis of how shared time concepts ensure communication and social order). The obtained results show that the change in the concept of time – from the religious doctrine of Augustine to modern secular ideas – has become one of the factors of profound social changes both at the level of historical development and for modern society.

Keywords: Augustine, social time, linear historical time, social institutions, communication, phenomenological sociology.

Funding: Independent work.

Введение.

Время – фундаментальная категория человеческой культуры и социального порядка. Представления о том, что такое время и как оно течет, глубоко влияют на то, как общества выстраивают свою жизнь: от ежедневных распорядков до глобальных исторических целей.

Изучение времени пролегает не только в сфере философии, истории или физики, но и имеет важнейшее социологическое значение, о чем говорят многочисленные исследования (в частности, М.Р. Зазулина [5], С.А. Кравченко [6], Н.В. Поправко [7] и др.).

Античные цивилизации во многом воспринимали время как циклический процесс, повторяющий естественные циклы природы и смену поколений.

Становление монотеистических религий, особенно христианства, привнесло иную темпоральную

парадигму – линейное, целенаправленное время, имеющее начало (творение мира) и конец (Страшный Суд). Ключевую роль в оформлении этой парадигмы сыграл философ и богослов Аврелий Августин, чьи труды заложили основы христианской концепции исторического времени и повлияли на социальное мышление последующих эпох. Августин отверг античную идею бесконечных циклов и обосновал идею прогрессивного исторического процесса, движущегося от сотворения мира и грехопадения к конечной цели – спасению и божественному суду. Тем самым была предложена новая модель осмысления истории, которая изменила отношение общества к прошлому, настоящему и будущему.

Не менее важны рассуждения Августина о природе самого времени. В знаменитых разделах «Исповеди» (кн. XI) он пришел к выводу, что настоящее –

единственно реально существующее время, тогда как прошлое существует лишь в памяти, а будущее – в ожидании (надежде) [2]. Прошлое, по Августину, «обязано своим существованием нашей памяти, а будущее – нашей надежде». Настоящее же мгновенно ускользает, едва мы начинаем осознавать миг «сейчас», как он становится прошлым. Такое психологическое восприятие времени акцентировало субъективную сторону времени, связав его течение с человеческим сознанием. Одновременно Августин противопоставил времени вечность как неизменное бытие Бога, где «нет ни преходящего, ни будущего». Эти идеи не только были философским прорывом, но и имели глубокие социальные последствия. Цель данной статьи – проанализировать социальное значение августинианской концепции времени.

Материалы и методы.

Данное исследование носит междисциплинарный теоретический характер. Применен историко-социологический подход с опорой на сравнительный метод Макса Вебера: анализируются различия во временных представлениях и связанных с ними социально-нормативных установках в разные эпохи (античность, Средневековье, Новое время). Исторический анализ сочетался с герменевтикой ключевых текстов, прежде всего трудов самого Августина («Исповедь», «О граде Божием»), содержащих его взгляды на время, историю и общество [3].

Для понимания институционального аспекта авторами использован социологический подход к религии, разработанный Вебером, – рассмотрение того, как религиозные идеи (например, христианское учение о спасении и конце времен) воплощаются в социальных действиях, нормах и организациях. Кроме того, осуществлена опора на феноменологическую социологию Альфреда Шюца, что позволило осмыслить коммуникативный аспект – каким образом общая временная рамка и разделяемые временные ожидания позволяют людям строить взаимопонимание и совместные действия. Шюц вводит понятие «жизненный мир» и описывает, как разные «финитные провинции смысла» (повседневность, религия, наука, игра и пр.) обладают особыми структурами переживания, включая своеобразное переживание времени [8].

Такой подход помогает отделить объективированный социальный время (например, календарное, институциональное) от субъективного переживаемого времени индивида и показать их связь.

Результаты.

Анализ трудов Августина показывает, что его взгляды на время имеют два ключевых измерения – онтологическое (природа времени, отношение времени и вечности) и историко-социальное (структура истории и судьба общества во времени).

В онтологическом плане, Августин утверждал, что время есть свойство тварного мира и человеческого сознания. Для Августина, начало творения мира есть вместе с тем и начало времени. Отсюда следовал вывод о том, что мир не вечен, у него есть начало

во времени, и, следовательно, история конечна и целенаправленна. Принципиально новое для своего времени Августин предложил понимание настоящего как единственного реально существующего момента, постоянно переходящего в небытие прошлого. Он знаменитым образом сформулировал, что прошлого уже нет, будущего еще нет, а у настоящего «нет протяженности», ибо оно мгновенно исчезает. Память и ожидание – вот за счет чего человек вообще способен охватить длительность, длительное прошлое – это длительная память о прошлом; длительное будущее – это длительное ожидание будущего. Эти идеи легли в основу христианской концепции времени и психологического опыта времени.

В историческом плане, Августин совершил переворот в понимании общественного развития. В трактате «О граде Божьем» он представил историю человечества как поступательное, линейное движение, имеющее морально-религиозный смысл.

Августин разделил историю на несколько эпох от сотворения до Страшного суда, фактически построив первую христианскую периодизацию всемирной истории. Каждая эпоха приближает человечество к конечной цели – спасению праведников и торжеству града Божьего [3]. В этом контексте, Августин отверг характерную для многих античных мыслителей идею цикличности времени (вечного возврата). Вместо этого, он утвердил идею неповторимости исторических событий и уникальности пути каждого народа в рамках единого божественного замысла. Такое понимание означало, что обществу дано направление во времени, общество прогрессирует.

Социальное значение этих идей в том, что общество стало осмысляться не как вечное возвращение к прежним состояниям, а как сообщество, идущее вперед по линии истории.

Коллективное сознание средневековой Европы во многом сформировалось под влиянием августиновской концепции: утвердилась вера в телес истории, в провиденциальное руководство Божье. Как отмечают исследователи, Августин, тем самым, заложил основы христианской парадигмы истории, в которой возникли прообразы будущих секулярных идей прогресса.

Переход к христианскому линейному времени отразился на практике социальной жизни и институтах. Одним из первых воплощений новой темпоральной парадигмы стало монашество. Монастырские общины раннего Средневековья сознательно организовывали свою жизнь в строгом соответствии с религиозным временем – циклом молитв и трудов, подчиненных идее спасения души. Правило св. Бенедикта (VI век), а также аналогичные уставы, в том числе приписываемый Августину, регламентировали буквально каждый час дня монаха. Возник феномен «ритуализации времени»: молитвенные часы, посты и праздники формировали единый ритм, разделяемый всей общиной.

С точки зрения социологии повседневности, это – уникальное явление. Никогда раньше люди не были так озабочены точным измерением времени, как монахи, стремившиеся не пропустить ни одной канонической молитвы. В монастырях появились часы и календари – чтобы синхронизировать жизнь с библейским циклом и астрономическим годом.

Социологи и историки (например, Жак Ле Гофф, Льюис Мамфорд) отмечали, что монастыри стали прообразом рациональной организации времени, позднее принятой всем обществом. Дисциплина времени – обязательность расписания, пунктуальность, счет времени – сначала была продиктована духовными целями (подготовкой к вечности через распорядок дня). Но со временем эти практики перешли и в светскую жизнь. Недаром в Средние века церковь контролировала календарь праздников, определяла, когда работать, а когда отдыхать, и тем самым выступала своеобразным «хранителем времени» для всей общины.

Социальный эффект этого институционального влияния заключался в повышении согласованности и предсказуемости общественной жизни. Когда все члены общества разделяют единый календарь и суточный распорядок, облегчается социальная координация. Например, городские соборы и колокольни с часами в позднем Средневековье транслировали время уже не только монахам, но и мирянам – формируя привычку жить по часам. Таким образом, религиозное время стало социальным временем, встроенным в быт и труд.

В Новое время, с наступлением эпохи Реформации и становлением капитализма, религиозно обусловленная дисциплина времени переросла в экономическую рациональность времени. Здесь прослеживается линия от Августина – через монашескую трудовую этику – к протестантской этике, описанной Максом Вебером. Вебер показал, что для протестантов (особенно кальвинистов) время приобрело почти экономическую ценность. Праздность воспринималась как грех, а трудовая активность – как признак избранности. Мировоззренческая установка «время – бесценный дар Божий, который нужно употребить на дело» трансформировалась и в поговорку «время – деньги», ставшую девизом нового капиталистического духа. В самом деле, Вебер прямо отмечал, что дух капитализма воплощен в принципе *Zeit ist Geld* – «время есть деньги». Но этот принцип уходит корнями не в светскую философию, а в религиозную этику (если жизнь человека конечна и дана ему для спасения, то ценна каждая минута). Рациональное планирование времени, учет прибыли в единицу времени – все эти черты зародились в недрах протестантской (а значит, в широком смысле христианской) культуры.

Таким образом, религиозный взгляд на время как на линейный путь с высшей целью опосредованно привел к формированию современных экономических институтов, где время структурировано в рабочие графики, календарное планирование, контрактные сроки и т.д.

Можно сказать, что без реформационного наследия Августина (в частности, его учения о предопределении, воспринятого кальвинизмом) не сложилась бы та степень трудовой дисциплины, которая необходима для индустриального общества. Социокоммуникативный аспект здесь проявляется в том, что общее уважение ко времени стало нормой, опоздание или пустая трата времени осуждаются, пунктуальность и продуктивность поощряются. Эти ценности изначально были этическими и религиозными, а стали общесоциальными.

Концепция времени Августина повлияла не только на «большие» институты, но и на ежедневное социальное взаимодействие – то, как люди координируют свои действия и понимают друг друга.

В повседневной жизни мы постоянно разделяем с другими определенные временные ориентиры (общую историю (память о прошлом), планы на будущее, расписание дня). Альфред Шюц, анализируя структуру жизненного мира, подчеркивал, что успешная коммуникация возможна, когда участники взаимодействия находятся в одном временном потоке и разделяют сходные временные перспективы. Он вводит понятие «мы-отношения», которая возникает, когда люди переживают одно и то же время вместе – например, музыканты, играющие в ансамбле, должны находиться в общем «вневременном» эмоциональном настоящем [8].

В традиционных обществах с циклическим временем коммуникация основывалась на повторяющихся ритуалах и мифическом времени – общем для группы постоянном круговороте событий. С переходом к линейному времени изменилась и коммуникация: возникло понятие прогресса, совместного движения к будущему. Люди начали соотносить себя с коллективной историей – например, христианская община воспринимала библейское прошлое как часть своей памяти, а эсхатологическое будущее (Царство Божие) как общую надежду. Такое единство во времени усиливало социальную солидарность. Одновременно повседневная коммуникация секуляризованного современного общества все еще несет отпечаток тех временных представлений: мы организуем встречи по часам, живем по общему календарю, отмечаем Новый год как символ хода истории и т.д. Все это – элементы социального времени, конструируемого совместно. Шюц указывал на то, что разные сферы жизни имеют разные временные режимы и уровни осознания времени. Религиозный опыт, к примеру, может переносить человека во «вневременное» сакральное измерение, тогда как повседневная работа погружает в непрерывный поток необратимого времени (час за часом). Однако для общества важно, чтобы между людьми сохранялось понимание, как соотносятся эти разные режимы. Христианство дало культурный язык, позволивший интегрировать циклы природы, священную историю и будничные дела в единое представление, например, церковный календарь встроил аграрные циклы (посевы,

урожаи) в линейную библейскую историю через праздники, тем самым обеспечивая смысловую связь между повседневностью и вечностью.

Современное общество, став в значительной мере светским, тем не менее, продолжает использовать наследие августинианской концепции на символическом уровне. Идеи прогресса, развития, памяти и утопии будущего – это секуляризованные версии христианских надежд. Общение людей – как в малых группах, так и на уровне массовой коммуникации – опирается на эти понятия. Например, политический дискурс о «светлом будущем» или «уроках прошлого» фактически апеллирует к линейной модели времени, где есть причинно-следственная связь между прошлым, настоящим и проектируемым будущим. Социокоммуникативный аспект проявляется и в том, что единое время позволяет большой массе незнакомых людей функционировать как общество.

Обсуждение.

Результаты исследования подтверждают, что концепции времени играют ключевую роль в социокультурных изменениях. Взгляд Августина на время изменил базовые допущения, на которых строилось западное общество. Социологический смысл этого изменения можно обсудить в нескольких измерениях.

Во-первых, линейное время способствовало возникновению новых институтов или переосмыслению старых. Церковь стала восприниматься не просто как религиозная организация, а как носитель исторической миссии (вести человечество к спасению). Светские институты – государство, семья, хозяйство – также встроились в эту логику (например, брак получил смысл совместного пути супругов к спасению во времени, труд – средство исполнения призвания в мире, который имеет божественную цель). В Новое время, когда религиозная мотивация ослабла, институты сохранили темпоральную структуру: предприятия планируют свое развитие стратегически, государства разрабатывают проекты модернизации, системы образования строят учебные программы, рассчитанные на будущее. Все эти практики опираются на идею будущего как открытого проекта – наследие августиновской линии мысли. Если сравнить с обществами, где традиционно доминировало циклическое время (например, аграрные цивилизации Востока), то западное общество демонстрировало более выраженную динамику изменений. Это согласуется с тезисом Макса Вебера о том, что уникальная комбинация религиозных идей привела к «разблокированию» социального развития на Западе [4]. Концепция времени Августина выступила одним из таких идейных факторов, время как линия подразумевает возможность движения вперед, новизны – а значит, и социальных изменений.

Во-вторых, социокоммуникативное измерение: общая временная рамка облегчила развитие социального доверия и долгосрочных связей. Когда люди разделяют веру в определенное будущее (пусть даже религиозное, как Рай или Страшный Суд), они легче

идут на сотрудничество, жертвы, планирование. Средневековое строительство соборов – проект, рассчитанный на столетия – стало возможно именно при наличии у общества ощущения исторической перспективы. Сегодняшние долгосрочные проекты (например, научно-технический прогресс, борьба с изменением климата) – уже секулярные, но психологически опираются на идею прогресса, которая восходит корнями к христианской эсхатологии.

В-третьих, изменения концепции времени влияют на повседневный опыт людей. Здесь идеи Августина переплетаются с выводами Шюца. Например, Августин стремился постоянно соотносить быстротекущее «сейчас» с вечностью (через акт молитвенного созерцания, воспоминания о Боге). Это можно рассмотреть как прообраз того, что Шюц называл сменной провинций смысла – когда индивид из суетного повседневного времени переключается в «вневременное» сакральное состояние. Современный человек, даже не религиозный, также испытывает потребность вырваться из потока дел – найти «момент вечности» в творчестве, любви, природе [8]. Здесь мы видим, что культурные сценарии, заложенные Августином, продолжают влиять на структуру человеческого опыта, хоть и в светской форме. Социологически это важно для понимания, как ценности и убеждения поддерживают или разрушают социальный порядок. Представление о времени как о ценном ресурсе поддерживает капиталистическую экономику, но и приводит к стрессу от нехватки времени. Обратный же полюс – представление о вечности или цикличности – может давать утешение и смысл за пределами сиюминутности, но рискует ослабить мотивацию к изменениям. Баланс между этими отношениями ко времени – одно из условий здорового развития общества.

Заключение.

Из проведенного анализа следует, что концепция времени Августина обладала глубоким социальным действием, выходящим далеко за рамки средневековой теологии. Ее внедрение в массовое мировоззрение привело к перестройке базовых социальных ориентиров: общество западной традиции приняло идею развития во времени, конечной цели истории и ценности каждого момента для достижения этой цели. Это нашло отражение в институтах (от монастырей до фабрик, от церковного календаря до светских расписаний) и в коммуникативных процессах (коллективная память, общее видение будущего, синхронизация действий во времени). Религиозная установка на время – сначала на время как подготовку к вечности, а позже, в секуляризованной форме, на время как ресурс для прогресса – выступила важным фактором, меняющим социальные отношения и структуры.

Социальное значение концепции времени Августина состоит в том, что она изменило само «время» общества – из природного фона оно превратилось в организационный принцип и ценностный ориентир. Современное общество, сталкиваясь с новыми вызовами (ускорение времени, глобальные кризисы), во многом

опирается на наследие той темпоральной рамки, которую предложил Августин. Таким образом, взгляд на время, сформированный Августином, стал скрытым

фундаментом, на котором выстроена современная институциональная система и коммуникационный порядок общества.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Sorokin P.A., Merton R.K. *Social Time: A Methodological and Functional Analysis* // *American Journal of Sociology*. – 1937. – Vol.42, №5. – P.615-629.
2. Августин Аврелий. *Исповедь*. Пер. с лат. М. Е. Сергеев. – М.: Искусство, 1992. – 384 с.
3. Августин Аврелий. *О граде Божьем*. Пер. с лат. под ред. А. Л. Беглова. – М.: Институт философии, 2015. – 848 с.
4. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 320 с.
5. Зазулина М. Р. Базовые метафоры в социологии как отражение пространственно-временных характеристик социального // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2021. №471. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-metafory-v-sotsiologii-kak-otrazhenie-prostranstvenno-vremennyh-harakteristik-sotsialnogo> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Кравченко С. А. Усложняющаяся динамика российской социологии: эффекты "стрелы времени" // *Гуманитарий Юга России*. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslozhnyayushchayasya-dinamika-rossiyskoy-sotsiologii-effekty-strely-vremeni> (дата обращения: 11.06.2025).
7. Поправко Н. В., Сыров В. Н. Концепция времени в социологии // *Социологический журнал*. 2000. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vremeni-v-sotsiologii> (дата обращения: 10.07.2025).
8. Шюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. Пер. с нем. и англ.; сост. Н. Смирнова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

References:

1. Sorokin P.A., Merton R.K. *Social Time: A Methodological and Functional Analysis* // *American Journal of Sociology*. – 1937. – Vol.42, No.5. – P.615-629.
2. Augustine Aurelius. *The confession*. Translated from Latin by M. E. Sergeenkov, Moscow: Iskusstvo Publ., 1992– 384 p.
3. Augustine Aurelius. *About the city of God*. Translated from Latin. Edited by A. L. Beglov, Moscow: Institute of Philosophy, 2015, 848 p.
4. Weber M. *Protestant ethics and the spirit of capitalism*. Translated from German, Moscow: Progress, 1990– 320 p.
5. Zazulina M. R. *Basic metaphors in sociology as a reflection of the spatial and temporal characteristics of the social*. Vestn. Volume of the State University. 2021. No. 471. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-metafory-v-sotsiologii-kak-otrazhenie-prostranstvenno-vremennyh-harakteristik-sotsialnogo> (accessed: 05/13/2025).
6. Kravchenko S. A. *The increasingly complex dynamics of Russian sociology: the effects of the "arrow of time"* // *Humanities of the South of Russia*. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslozhnyayushchayasya-dinamika-rossiyskoy-sotsiologii-effekty-strely-vremeni> (date of request: 06/11/2025).
7. Amendment N. V., Syrov V. N. *The concept of time in sociology* // *Sociological Journal*. 2000. No.1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vremeni-v-sotsiologii> (date of access: 07/10/2025).
8. Schutz A. *Favorites: a world shining with meaning*. Translated from German. and English; comp. N. Smirnov. – М.: ROSSPEN, 2004. – 1056 p.

Информация об авторах:

Чернова Ирина Борисовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, milena@mail.ru

Плотников Валерий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, milena.55@mail.ru

Irina B. Chernova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, milena@mail.ru

Valery V. Plotnikov, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, I.T. Trublin Kuban State Agrarian University, milena.55@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.07.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.08.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.